

**Официальный отзыв на диссертацию Смирнова Александра Сергеевича
«Археологические организации и властные структуры Российской
империи (в контексте внутренней и внешней политики
второй половины XIX – начала XX века)», представленной на соискание
ученой степени доктора исторических наук (специальность 07.00.06 –
археология), 693 стр. с библиографией.**

Трудно назвать более актуальную и, вместе с тем, традиционную для археологической науки проблему, чем проблема «археология и власть», особенно в нынешний период поисков новой «национальной идентичности».

Целью диссертационной работы А.С. Смирнова является воссоздание и анализ механизмов взаимодействия властных структур, общественных и научных институтов в тот период, когда эти институты сформировались и возникли переделенные тенденции их отношений с властью – во второй половине XIX - начале XX в. Автор максимально учел историографию по проблеме (включая существенные западноевропейские работы), и, что особенно ценно для диссертации (и опубликованной по ее тематике монографии), проработал данные многочисленных архивов.

Глава 1 – «Использование археологии для политических целей» представляет собой содержательный «вводный» обзор тенденций, сложившихся в европейской науке XIX в., призванной реагировать на формирования наций и «национальных идей»; в частности, вплоть до второй половины XX в. актуальной и для советской науки оставалась проблема этнической принадлежности лужицкой культуры, которую объявляли германской или славянской в зависимости от того, как намеревались власти решать спор о Силезии элиты соперничающих государств (с. 31-33); не менее болезненной для Европейского сообщества остается протяжении более чем двух столетий проблема формирования государств на Балканах (с. 34 и сл.) – не даром в европейских языках возник термин «балканизация». Следует заметить в связи с «пессимистическим» завершением главы -

справедливым в принципе утверждением о крайней устойчивости тенденций политизации этнических проблем в археологии (вплоть до националистического радикализма), что в современной европейской науке сформировалась и иная тенденция, разоблачающая «миф о нации» (П. Гири и др.) и отрицающая принципиальную значимость этнических маркеров для понимания исторических процессов («реквием по этносу» в терминах В.А. Тишкова).

Глава 2 характеризует уже взаимоотношения государственной власти и археологических учреждений в Российской империи начиная с губернских статистических комитетов и губернских ученых архивных комиссий, чья деятельность, в том числе в области археологии, была более дифференцированной – комиссии должны были отчитываться перед Петербургским археологическим институтом (с. 93 и сл.), принимали участие в организации областных археологических съездов, создавали курсы для подготовки археологов в провинции (в том числе в Новгороде), создавали первое археологические карты (с. 98-99); диссертант перечисляет наиболее существенные археологические памятники, открытые сотрудниками комиссий. А.С. Смирнов отмечает, что уже деятельность комитетов подвигла имперские власти к созданию Императорской Археологической комиссии в середине XIX в. Специальный раздел главы посвящен деятельности научных обществ (в том числе знаменитому ОИДР при Московском университете), включавшей проблемы археологии, которые, впрочем, оставались на периферии интересов любителей древностей (с. 110-146). С деятельностью такого общества при Харьковском университете связано, обнаруживает Смирнов, и появление формализованного термина «археология», как обозначения «вспомогательной науки» в уставе общества (с. 120-121). Особой интенсивностью отличалась, по А.С. Смирнову, деятельность научных обществ Прибалтики. На основе кружка антиквариев в Петербурге в 1846 г. было создано не без поддержки николаевского режима (замечает диссертант – с. 135) Русское археологическое общество (оно возникло вслед

за Русским Географическим обществом). До того при Николае I в 1850 г., по инициативе Л.А. Перовского была создана Комиссия для исследования древностей при Кабинете его императорского величества (с. 152). Все это давало импульс для создания новых обществ, включая Московское археологическое общество (1846) и для «процесса структуризации археологической науки в форме общественных объединений» (с. 140); процесс шел по нарастающей, учитывая изменение концессионного (разрешительного) порядка создания обществ на явочный (уведомительный) после революции 1905 г. В целом имперская элита благосклонно относилась к деятельности обществ, члены императорской фамилии оказывались почетными их председателями (некоторые общества получали звание императорских); контроль за их деятельностью был достаточно серьезным, но не менее серьезной оставалась (актуальная по сей день) проблема финансирования, подготовки кадров и т.п. Все общества, напоминает диссертант (см. 148), были подведомственны (и подцензурны) Министерству Народного Просвещения; впрочем, Министерство способствовало развитию науки о древностях, судя по публикациям в его Журнале.

Подробно разбирает А.С. Смирнов конфликт, разразившийся между главным имперским учреждением России – Археологической комиссией в Петербурге и локальными научными обществами, в первую очередь – Московским археологическим обществом, воспринимавшим политику централизации археологических исследований и выдачи Открытых листов как путь к бюрократическому произволу и подавлению любых научных инициатив (среди критиков этой политики были такие «знаковые» для археологической науки фигуры как П.С. Уварова и Д.Я. Самоквасов). Заметим, что этот конфликт имеет отнюдь не только историографический интерес. Диссертант отмечает рациональный подход правящей элиты (в том числе императорской фамилии от Петра I до Николая II) к необходимости государственного контроля над археологическими исследованиями, не в

последнюю очередь - над добытыми артефактами, пополняющими музейные коллекции.

Специально рассматривается диссертантом роль негосударственных структур в развитии археологии, прежде всего – в финансировании раскопок (с. 182 и сл.); проблемы подготовки археологических кадров (с. 183 и сл.), особенно в Петербургском и Московском археологических институтах. Осознавалось отсутствие разработанных систематических университетских курсов по археологии (с. 192).

Глава 3 посвящена проблеме археологических съездов в связи с внутренней политикой империи. А.С. Смирнов прослеживает основные тенденции развития науки в связи с организацией съездов, отмечая часто непрямое воздействие властей (через Министерство народного просвещения) и имперской идеологии на организацию работы съездов: сказывалось отношение властей к исламу при проведении съезда в Казани, отношение к «польскому вопросу» на съездах, проводимых в Западном крае; характерен, в частности, конфликт с «украинофилами» на съезде в Чернигове (с. 224) и т.п. При этом, по формулировке А.С. Смирнова, в связи «с общей динамикой изменения внутренней национальной политики империи, когда первоначально довлеющий религиозный фактор уступает первенство этническому» (с. 231). Естественным представляется интерес диссертанта к реакции общественности на проблематику съездов, отражение этой проблематики в прессе и к полемике по поводу тенденций сформировавшихся в российской науке (несводимых к археологии): этим вопросам посвящен значительный раздел работы в 3 главе (с использованием архивных данных). Ярче характеризуется в диссертации роль инициативных фигур, вроде А.С. Уварова, в организации съездов.

4 глава посвящена специфической проблеме, прямо увязывающей археологию с традиционным направлением внешней политики России на Ближнем Востоке – в «зоне интересов Османской империи». Впрочем, проблема рассматривается диссертантом в более широком контексте –

«археология и внешняя политика»: он поминает даже историографические конструкции Ломоносова, связанные с идеей «извечной» власти России в Прибалтике - от Пруссии до Шлезвига. Замечу, что первый опыт использования археологии в области как раз «восточного вопроса» относится к Начальной русской летописи: составитель Повести временных лет стремился обосновать историчность легендарного Кия и его похода на Царьград тем, что на Дунае известны остатки его крепости Киевец. Естественно, главным сюжетом главы стала организация и деятельность Русского археологического института в Константинополе - РАИК (обстоятельно изученные Е.Ю. Басаргиной), подчеркивается связь этой организации с созданием Новороссийского университета в Одессе (с. 376-377), но, в первую очередь, с внешнеполитическими обстоятельствами – кризисом отношении с Болгарией, соперничеством России и Германии (в том числе в области археологии – особенно открытий в Пергаме). Соответственно «главной политической задачей института было распространение русского влияния на Балканах, в первую очередь среди славянского населения» (с. 393), хотя в уставе института балканская составляющая была деликатно обойдена (с. 394). Институту удалось с 1911 г. приступить к координации деятельности ученых Болгарии и Сербии, прежде всего, в области «доисторической археологии» (с. 404-405), дальнейшему развитию общих усилий препятствовала разделившая Сербию и Болгарию македонская проблема (с. 414 и сл.). Оппоненту, как сотруднику Института славяноведения, импонирует интерес А.С. Смирнова к славянской проблематике, тем более, что общественное движение, связанное с формированием славяноведения, развивалось синхронно с организацией археологических институций и сходным образом реагировало на общеполитическую ситуацию и отношения с властями. Славянские съезды (см. Славянское движение XIX – XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998) также не были обойдены вниманием высочайших особ, российская общественность в целом сочувствовала

болгарскому национальному возрождению (роман «Накануне» был написан западником Тургеневым накануне Крымской войны - задолго до цитируемого диссертантом письма 1880 г. о раскопках в Пергаме), настороженно относилась к позиции поляков.

Российские археологические исследования в Малой Азии, как показал диссертант (с.426-436), в целом определялись теми же интересами и тенденциями, что и на Балканах (соперничество с немецкой активностью, подозрительность турецких властей и т.п.); интересны сведения о мерах по охране памятников, предпринятых Н.Н. Юденичем - командующим Кавказской армией – на занятых ею территориях. Более скромными были усилия РАИК и Палестинского Православного общества по организации исследований в Палестине (особо отмечается А.С. Смирновым роль экспедиции Н.П. Кондакова на Синай, исследования Палестинского общества в Мирах Ликийских и в Иерихоне); рассматривается и проблема организации русского археологического института в Иерусалиме (с. 454-457), «попытки организации исторических учреждений в Афинах и Риме».

В главе 5, характеризующей развитие российской археологии в Азии, автор также обнаруживает связь научных интересов с интересами имперской экспансии, противостоянием экспансии Британской империи вплоть до проблем демаркации границ с Афганистаном и Китаем. Развитие академической науки отмечено созданием в 1851 г. Отделения Восточной археологии РАО, Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (1903), существенным достижением было открытие тюркских рунических надписей (заметим, что орхонские надписи были открыты экспедицией В.В. Радлова и дешифрованы датским лингвистом – иностранным чл.-корр. Российской АН В. Томсенем), исследование древностей Самарканда и др. Специально охарактеризованы С.А. Смирновым противоречия между представителями этой науки в отношении к

Востоку (Радлов уповал на мирные отношения, Н.И. Веселовский считал Восток традиционно враждебным – с. 492).

Синтетической является глава 6, примыкающая к Заключению и посвященная «археологии в имперском пространстве России»: автор отмечает, что «археологическая наука в России развивалась в двух измерениях – хронологическом и территориальном» (с. 610). Это развитие невозможно было без государственных дотаций, но конкретные направления научных изысканий и формирование научных институтов вплоть до Русского археологического института в Константинополе во многом определялись «научным сообществом». Автор обнаруживает «неравномерное развитие разных научных направлений, с доминированием византиноведения и тюркологии» – в соответствии с экспансионистскими тенденциями имперской России. Это создавало проблемы (в первую очередь финансовые – с.635) для развития «собственно» российской археологии. Дореформенные научные общества за исключением РАО появляются на национальных окраинах России, прежде всего на «фронтире» - в Прибалтийских губерниях и Западном крае (с. 622). Отстает археология «хартленда» или «внутренней» (восточноевропейской) России, выделение которой в российской дореволюционной географии терминологически совпадало (как может заметить оппонент) с системой описания, данной Константином Багрянородным в начале русской истории: тот выделял «внутреннюю Росию» в Киевом и «внешнюю Росию», тяготевшую к Новгороду.

Выводы диссертанта представляются вполне фундированными, отдельные замечания могут касаться возможных дополнений и подробностей развития археологической науки в России. У истоков одного из традиционных направлений изучения древностей было Библейское общество, созданное в 1812 г. В его организации приняли участие представители Британского Библейского общества, в том числе шотландец Эбенизер Гендерсон, под эгидой общества он совершил путешествия по 20

губерниям России в 1821 и 1822 гг., описав своей книге древности народов, исповедующих разные веры; внимание оппонента привлекла его информация о развалинах хазарской столицы Итиль к северу от Астрахани (Г. Эндерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России. СПб., 2006. С. 265). Недоумение вызывает отсутствие (хотя бы в весьма обширной библиографии) работ А.В. Арциховского по истории археологии в России в «Очерках истории исторической науки в СССР».

В целом диссертация С.А. Смирнова – фундаментальный труд по истории археологической науки и заслуживает присуждения автору степени доктора исторических наук по специальности 07.00.06 – археология. Можно сказать, что объема материала и проблем, проанализированных А.С. Смирновым, хватило бы не на одну докторскую диссертацию, и его работа будет способствовать продолжению изысканий, связанных с научной рефлексией, необходимой для понимания места археологии в современном мире. Автореферат соответствует тексту диссертации.

Петрухин Владимир Яковлевич,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела истории средних веков
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института славяноведения Российской академии наук